

МЕЛЬНИКОВЫ А. И К.

Новогодний сборник

Happy New Year

**Ф И О Л Е Т О В Ы Е
М И Р Ы**

16+

Анастасия Александровна Мельникова
Ксения Александровна Мельникова
Фиолетовые миры.
Новогодний сборник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67032864

SelfPub; 2021

Аннотация

Сборник сатирических и порой мистических рассказов на тему новогодних праздников.

*"Новогодняя сессия". Андел всегда был очень занятым и деловым человеком. В предверии новогодних праздников некая сущность в облике профессора философии внутри сна Андела предлагает ему акцию: если сдать ряд экзаменов во сне, то Андел сможет распоряжаться временем сна для своих жизненных нужд до самой смерти.

*"Вечный Новый год". Девушка празднует Новый год, и первого января обнаруживает, что это снова тридцать первое декабря.

*"Новый год в подарок". Мать старается отпраздновать с двумя дочерьми рождество. С дочерьми то и дело происходят всяческие мистические аномалии.

Содержание

Совершенная женщина	4
Новогодняя сессия	6
Новогодняя слабость	11
Вечный Новый год I	12
Новый год в подарок	23
Джин Мороз	35
Огонь новогоднего рубежа	36
Теневая сторона новогодней елки	43
Новогодняя притча о звездочке	57
Жена Деда Мороза	62
Труп Деда Мороза	63
Осколком елочной игрушки	70
Вечный Новый год II	71
Краткость новогодних каникул	83
Мне праздники не на пользу	85
Кладбище неудачных подарков	87
Божественное свечение снега	92

Анастасия Мельникова, Ксения Мельникова Фиолетовые миры. Новогодний сборник

Совершенная женщина

Каил решил, что сделает себе совершенную женщину. В книжном магазине он купил учебник черной магии, пошел в перелесок и там слепил женское тело во всех прелестях и округлостях. Дальше он прочел заклинание. Кусок снега налился кровью и обрел жизнь. Женщина поднялась, оперлась о стволы деревьев.

– Тебя будут звать Снежна. Пошли.

Каил довел Снежну до своего подъезда, помог добраться до квартиры, уложил в кровать. По изгибам белоснежных бедер Снежны плясали отсветы света гирлянд.

Каил разговорил неопытную, они стали целоваться. Девушка пожаловалась, что ей становится жарко. Каил ухмыльнулся и сказал, что так и должно быть.

В течение пяти минут она растаяла, образовав большое мокрое пятно на кровати Каила.

Он приставил матрац к открытому балкону – просушиться и смотрел, как колышутся ели в ближайшем лесу, как сгущаются сумерки. Он набрал номер бывшей:

– Полия? Привет. Я все переосмыслил. Давай найдем компромисс. Приезжай. Да, хорошо, я брошу черную магию, только вернись, пожалуйста.

Новогодняя сессия

Андел вел активную жизнь, как и многие в наше время.

Жилье в мегаполисе. Работа на растущую компанию, а по вечерам – заказы и удаленная работа. Двое детей – одного в садик, другого в школу.

Андел окончил университет семь лет назад.

Приближался Новый год.

Предстояло пристроить детей, снять сауну, договориться об отмене корпоратива, выполнить сезонный план работ, и набрать новую базу заказчиков на январь.

Двенадцатого декабря к Анделу во сне пришел преподаватель по философии Зетинпоф и предложили сделку-акцию в связи с приближающимися праздниками: если Андел сдаст все сонные экзамены по астрономии, физике, тригонометрии, химии, композиции, проектированию, программированию до января во сне, разумеется, то сможет распоряжаться временем сна для жизненных нужд до самой смерти.

Андел согласился, потому что ему действительно не хватало шестнадцати часов в сутки, исключая сон.

Андел купил учебники, аудиокурсы.

Во время езды на машине он слушал, учил и зазубривал – пока переустанавливал систему, пока установочные программы шли в фоновом режиме, пока кипел чайник или во время чистки зубов.

А затем Андел засыпал, оказывался в мире сна, шел в университетский корпус, сверяясь с экзаменационной программой. В пять утра по расписанию проходили подготовительные занятия. Андел всегда опаздывал и справлялся о происходящем у студентов, сидящих за соседними партами.

Пятнадцатого декабря значился первый экзамен – проектирование. Андел опоздал и провалил.

Двадцать восьмого разрешили пересдачу, на которую он рассчитывал.

– Когда ты собирался мне рассказать, что поступил в университет? – спросила Лени, жена Андела.

– Это продлится недолго, Лени, пожалуйста, не отвлекай меня, – возразил Андел, листая учебник физики. Он оперся на тележку с продуктами.

– Но мы в супермаркете, Андел! Доставай скидочную карту. Мы задерживаем людей.

Экзамен по астрономии назначили на двадцать пятое декабря. И Андел провалился, хотя очень много готовился.

К Новому году он не сдал половину запланированного, пропустил детскую елку, вынуждено посетил корпоратив.

Новый год семья справила в машине – а все потому, что Андел не успел купить билеты до Киманска на встречу с родней. Жена и дети проявляли невероятное терпение, но Андел не унывал и заставил всех слушать в машине курс по ядерной физике, потому что в 5 утра 1 января ему предстояло сдать именно ее.

Лени никогда его не расспрашивала о личных делах: именно благодаря уважению личных границ им удалось сохранить этот брак. Вот и теперь она молчала.

Андел не сдал ни одного экзамена до января и второго числа пришел к Зетинпофу узнать, в чем проблема.

– Послушай, Андел. Никто не говорил, что тебе будут поддаваться. Ты знаешь эти предметы «так себе», но деканат Сна лоялен и дает тебе еще год на подготовку. Каждый сезон ты можешь пробоваться. Правда, предупреждать на этот раз тебя не будут. Как говорится, предмет ты должен знать хорошо, чтобы от зубов отскакивало, и чтобы тебя среди ночи разбудили, и ты мог ответить, – Зетинпоф подмигнул, – Будить тебя, конечно же не будут. Просто выдернут тебя на экзамен среди ночи. Ты согласен? Подпишись здесь.

Андел не стал подписывать эту бумагу и Зетинпоф пришел к нему в следующем сне.

– На самом деле, Андел, тебя никто не спрашивал. Просто прими происходящее, как дар судьбы. Каждую неделю ты будешь сдавать экзамены в нашем университете. Предметов тьма, поэтому я не буду перечислять по наименованиям. Если ты получишь «отлично» по всем предметам – то завоюешь время сна. А если нет – то будешь пробовать дальше.

– Черта-с-два, – прошипел Андел, – Я же отменил наше соглашение. У меня нет времени готовиться к вашим дьявольским экзаменам, особенно когда их тьма!

– Ну не готовься. У тебя просто бесплатная подписка на

экзамены во снах, вот и наслаждайся. Она шла приложением к твоему желанию расширить время жизни. Диплом в нашем университете дает бессмертие.

– Как отменить подписку?

Зетинпоф не ответил.

Андел со зла сжег все свои учебники. Если подумать, то Андел чистосердечно хотел бы изучить все эти предметы. Но он старался мыслить трезво – чтобы сделать это, ему бы понадобилось несколько жизней. И столько свободного времени у него точно не было. Он перестал учиться, проводил больше времени с семьей, но высыпаться у него уже не получалось. Каждую ночь он оказывался на экзаменах в университете Сна, и не мог проснуться, пока ассистент не объявит окончание экзамена и не соберет у всех листки.

Иногда в этих листках была ужасная абракадабра по невиданным предметам, о которых Андел никогда не слышал, но тем не менее, приходилось ставить галочки, действовать наугад, писать отсебятину. Тоже самое было с курсовыми и защитами проектов, в которых Андел ничего не понимал.

Психолог в реальности предположил, что Андел таким образом переживает провал: когда-то он не смог защитить свой диплом на «отлично» по специальности «архитектура». Но Андел не поверил психологу, ведь знал: на самом же деле, ему всегда было безразлично, какую оценку ему поставят. Отнюдь не оценки мотивировали Андела, а понимание, что если ты лучше разбираешься в жизни, значит, ты экономишь

время и успеваешь больше, действуешь осознаннее, принимаешь более правильные решения и, в итоге, лучше адаптируешься в жизни.

Новогодняя слабость

Сразу после Нового года Горворд почувствовал слабость.

Колени Горворда задрожали, спина сгорбилась, сахар в крови подскочил, и на расческе осталось много волос.

Старость загнала его в кровать. Пришлось включить любимые фильмы и объедаться праздничными блюдами до девятого января.

Утром десятого смерть ослабила хватку; Горворд сделал глубокий вдох. Катаракта и изжога прошли. Он откинул тяжелое одеяло, вышел на балкон, подышал, и пошел собираться на работу.

Вечный Новый год I

Это началось, когда мне исполнилось восемнадцать лет.

Еще с детства мне казалось, что людям открывается сокровенная тайна по достижению совершеннолетия.

Неправильное представление о мире сформировалось благодаря незрелому пониманию сериала "Десятое королевство", где пастушке открылось, что ее семья владеет волшебным колодцем.

Моя семья не обладала секретом. Никто ни в чем так и не признался. Единственное, что настораживало, что я родилась в момент перехода с тридцать первого декабря на первое января.

Мама подарила мне книгу для рисования, папа – карточный домик.

Мы отметили Новый год в полночь, как и полагается. Весь день рождения и утренние часы все шло хорошо. Но после полудня первого декабря я заподозрила неладное.

Мы смотрели новогодний телик, и я прикорнула первым новогодним сном. Папа поставил фильм на паузу, и принес подарок к моему спящему телу. Я прикинулась, что мне не до этого.

– Проснись, Шерн, вот тебе коробка конфет с окошками.

Я открывала одно окошечко за другим. Конфеты дешёвые, но сама коробка меня восхитила. Две минуты я разгля-

дывала подарок.

– Подожди, пап, ты же вчера подарил мне карточный домик, этого недостаточно?

– Как этого может быть достаточно на два дня рождения, детка?

Он похлопал меня по макушке, растрепав слабые тонкие волосы.

– Пап...

– Что, моя девятнадцатилетняя?

Я встала с дивана.

– Это тупая шутка, зачем ты так сделал? Я только заснула.

– Зря заснула, все веселье пропустишь. Иди маме помоги нарезать салаты.

– Мам, праздник у нас какой-то?

– Ну да, – мама, выплюнув попку огурца, не поднимала на меня взгляд, – сегодня придет дядя Тирспот, надо сделать больше горячего. Помогай.

Я принялась рубить зелень. Стекла на окнах запотели от кухонного жара. Мама включила новогоднее радио с ноута.

– Мне кажется у меня помешательство, – я немного успокоилась, но хотелось поделиться безумием.

– В чем дело, доча?

– Мне исполнилось девятнадцать?

– Целый год прошел...

– Пролетел, как пуля у виска, – свистнул отец, заходя на кухню и забирая жирную мишуру.

– И что мы делали весь год? – я отхлебнула компота, прикидываясь спокойной.

– Росла, в основном, сдала пару экзаменов, зачетов, тренер тебя хвалит. Почему ты спрашиваешь? Опять тебе кажется, что мы невнимательные?

Мать развернулась с ножом в руке и сделала хищное лицо. Затем взяла верхнюю ноту вместе с певицей, используя нож как микрофон.

– Понятно.

Я вышла из комнаты, позвонила Карлну, моему другу.

– Шутишь? Ты ли это, кто автостопом путешествовал со мной по Кинбару?

Я положила трубку и больше не возникала. К тому же гости пришли.

Новый год отметили прекрасно, я легла в четыре, встала в час дня. Там и до дневного сна было рукой подать.

И снова я проснулась от того, что мама меня будит.

– Давай, Шерн, я тебе освободила бигуди, иди завивайся, и еще у меня для тебя подарок на тумбочке.

Она подмигнула.

Я подошла, развернула шелестящий пакет. Внутри коробка и открытка.

«20 лет не шутка, дочка, успехов в личной жизни и с Эльзиром»

– У меня появился парень?

– Эльзир твоя дипломная работа, девочка моя.

«Почему она объясняет? Она знает о заговоре?».

Я развернула коробку. Подарок, ничего особенного.

Папа зашел в комнату.

– Что ты мне подаришь папа?

– Блин...

Он выбежал в другую комнату и вернулся с пакетом.

– Надеюсь, воспоминания? – пошутила я, но родители покосились на меня. Папа протянул пакет.

«Ответы» – гласила надпись на тетради внутри пакета.

– Господи боже, – я поспешила открыть тетрадь.

«Дорогая дочка, тебе уже двадцать лет! Ты молодец! Эта тетрадь дана тебе, чтобы писать сюда все откровения, которые тебе придут по ходу твоей жизни!»

Ну все.

– Ответы? – из глаз брызнули слезы, – Из какой жизни? Я уже как три дня живу в Новом году!

– Тише, тише, – мать подошла ближе.

– Отстань от меня!

Я впервые огрызнулась на мать. Отец мигом посерьезнел.

– Так.

– Вы мои родители! Сделайте что-нибудь! Мне ваши подарки не упали! Я теряю свою жизнь!

– Давай по порядку, детка, что происходит?

Отец усадил меня на диван, плечи колыхнулись. Я еле могла шевелить ртом, вцепилась в свои волосы, отец мягко их отвел назад.

– Давай по порядку, мы постараемся помочь тебе.

– Я, – я плакала, – третий день я просыпаюсь в начале своего дня рождения, с совершеннолетия, и проживаю Новый год, а потом темнота, после сна я снова в дне рождении и Новом году! Годы летят, папа! Ты сам мне говоришь об этом! Скажи, что это шутка, и сегодня третье января восемьдесят шестого, скажи, ну пожалуйста.

Отец сглотнул.

– Девочка моя, но сегодня восемьдесят восьмой. Может, ты головой ударилась?

Он искренне проверил макушку, разведя волосы.

– Дневной сон иногда выдает такую паранойю.

– Я в уме! Но происходит хрень! Папа! Ты же можешь все.

Папа опустил плечи. Мама выжидающе смотрела на дочь.

– Давай звони Хенильму, пусть приедет.

– Он доберется сюда через десять часов.

– Придется потерпеть и не ложиться спать, Шерна и, подождешь?

– Я постараюсь, – я обняла папу.

– Может это болезнь, или вроде того.

Врач приехал, осмотрел меня с ног до головы, привез снотескоп, и сделал снимки мозга.

– Не вижу осложнений, она в порядке.

– Я ничего не помню! Ни одного дня из своего двадцатилетия! – меня снова сорвало, хотя дали успокоительное. Отец болезненно сощурился.

– Завтра мне будет двадцать один, а потом что? Через сто дней я умру, что я скажу на высшем суде, зачем я вообще живу.

– Взгляни на это с позитивной стороны, – повернул на бок голову врач, – каждый день праздник, все родные и друзья с тобой.

– А он шутник, папа, выгони его! – я вцепилась ногтями в свеженькие обои, мама зажмурилась.

Папа вывел врача, и они беседовали с ним еще минут двадцать. Я уже зверски хотела спать.

– Мама, обещай, что вы придумаете что-то на следующий год. Расскажешь мне, как все прошло?

– Хорошо, девочка моя, – мама гладила меня, пока я не уснула.

Утром я обнаружила себя в чьей-то машине. Ни папы, ни мамы рядом.

– Кто вы?

Парень затормозил; с неба валили крупные мокрые хлопья снега. Он развернулся ко мне.

– Ты в безопасности.

Он попытался взять мое лицо в руки, но я отбилась.

– Я Эльзир, спокойнее!

– Кто это?

– Твой муж, силы небес!!!

Я опустила руки. Его лицо казалось знакомым, но все равно чужим, я не могла вынести его прикосновений.

– И с днем рождения! – он завел мотор и тронулся.

– Нет, – я снова начала расстраиваться, – давай поговорим.

– Давай.

– Где мои родители?

– Они не справились за целый год, – Эльзир нахмурился.

– Куда мы едем?

– В клинику штата, там проводят инновационные исследования. Черт, целый год, и они до сих пор не сделали этого. Теперь ты не будешь помнить еще год из-за них.

– Как я вела себя этот год?

– Восхитительно, прекрасно.

– Каково это – быть мужем беспамятной? Я ничего не помню, как мы познакомились, кто я была для тебя и все такое.

– Возможно.

– Да, возможно моим телом управляли демоны, так как уже тогда я болела этой чертовщиной.

– Не говори так, ты и сейчас такая, как мы познакомились.

– Ты шутишь, я не могла быть настолько безотчетной.

– Ты ощущалась вполне осознанной.

– Не доводи меня, Эльзир.

Он улыбнулся.

– Осталось пара километров.

Мы доехали как он сказал, вывел меня из машины, все сделал, все решил. Я восхищалась. Мой подбородок опять

дрожал, а в горле собралась невысказанная горечь за свои воспоминания.

В Новый год все люди инертные и ленивые. Но ради такого особого случая несколько фанатов собрались в лаборатории. Мы провели день в центре исследований, но никакого диагноза мне не поставили. Мол, я полностью здорова, без аномалий и повреждений. Никто не мог мне помочь. И Эльзир укладывал меня спать, я смотрела в его добрые глаза.

Следующие пять лет прошли мигмом, Эльзир и родители скооперировались и стали кнутом для движения современной науки и эзотерики. Они, может и не руководили, но следили за всеми процессами от и до. Я и слова не могла сказать против, ведь ничего не помнила о своем поведении. Знаю только, что вела себя достаточно хорошо, чтобы эти мужчины продавали свои собственные жизни на мое спасение и у них хватало запала работать на мое выздоровление.

– Эльзир, – я тронула мужа за руку на тринадцатый день своей болезни.

Он смотрел мне в глаза уже час, провожая меня в беспмятство на четырнадцатый круг ада. Мы общались будто бы телепатически, и мое слово разорвало тишину, как звук грома в пустыне.

Он двинул бровями.

– Оставь меня, проживи следующий год счастливо, не носись по этим центрам, не лечи меня, не пытайся.

– Что ты говоришь?

– Я постараюсь прожить свои сто дней счастливо, ведь у меня такая замечательная семья.

– Ты бредишь, – он не хотел верить и заставил меня замолчать поцелуем.

– Я так хочу, – я снова заговорила, – я хочу, чтобы ты прекратил тратить свою жизнь впустую. Давай воспитаем детей как следует, обратим энергию на твои цели. Какие твои цели? – шептала я, – я даже не знаю твоих целей, мы все время говорим об этой чертовой болезни!

– Ты моя цель, перестань. У нас не будет детей, пока ты не будешь помнить все.

– Ты говоришь так, потому что я так сказала, но теперь я говорю иначе, я хочу, чтобы ты жил счастливо. К тому же, я уже все помню.

Мои глаза наполнились слезами.

– Что ты помнишь? Как я возил тебя к рекам Хейзала, или как мы делали пристрой к дому твоего отца?

Я закрыла глаза, конечно, я этого не помнила.

– Вот и не говори мне, – они прижал меня сильнее и заставил заснуть, чтобы я еще чего не сказала.

В тридцать два Эльзир подарил мне фотоальбом. Про год радости, и боли одновременно. Я увидела свое лицо. А еще, я проснулась с немного полным животом.

– Это мой подарок, – произнес он, целуя мои руки.

Я ощупала свое изменившееся тело. Минут десять разглядывала его в зеркало.

Странное чувство, мне снилось, что у меня есть дети. И вся жизнь перед глазами проходит, но я все равно просыпаюсь восемнадцатилетней девчонкой, от дня рождения которой прошло пятнадцать лет и не могу понять, за что мне это.

– Чего ты хочешь в этом году, Шерн? Скажи, я исполню.

– Будешь моим Дедом Морозом?

– Для тебя я стану Дедом гораздо раньше, дорогая.

Я не мечтала слышать эти слова когда-либо. Он и сам пожалел, что произнес их.

Вскоре он и стал дедом. И на каждый Новый год он приносил мне значимые подарки. В основном, видео, фотографии, настоящие предметы и сувениры из прожитых мною жизней, которые по каре господней я не могла помнить.

На сотый день я действительно испытала счастье, но мой муж сказал, что я стала счастливой уже в год рождения нашего первенца.

Значит, все это время я была несчастна только по два дня в году? Самых важных для нас обоих? И я все портила.

Тогда я сказала Эльзире:

– На самом деле я чувствовала счастье, просто не знала об этом, самое большое счастье дочери и жены, но не помнила этого. Хотя, мне стоило просто быть, потому что я прекрасно знала и видела, что вы делали для меня.

Эльзир обнял меня. В тот год мне приснилось, что он умер раньше меня, и с тех пор я стала несчастна.

Но мы прожили еще десять дней-лет. И наши и дети, и

внуки не давали мне забывать о том. Меня переполнила благодарность, по-настоящему.

К концу жизни я ничего не сделала, но владела многим. Мои родные сделали для меня все, а я должна была отблагодарить их своей радостью и счастьем в ответ на этот дар. Что я и сделала. И умерла счастливой.

Новый год в подарок

Из дымоходной трубы вышел пар в зимнее небо. Тяжелый черный шлейф выхлопов растянулся вслед за ней.

Небо серело с каждым мгновением, и утром не стало светлей.

Мать разглядывала ладони Ольхи, водила большим пальцем по линиям на руке дочери:

– Откуда у тебя эти дырки на руках?

– Мне приснилось, что руки пробивают гвоздями, а теперь это.

– О, господи-господи, – застонала мать, держась за бока. Она прижалась к шкафчику на кухне, заплела небрежный хвост.

– Поедем в храм.

– Мы уже там были.

– Поедем.

Но в этот день были пробки, так как все готовились к празднику.

– Ольха, Хвоя, вы приготовили письма Деду Морозу?

– Да! – девочки выбежали из комнаты и изящно заскользили на шерстяных носках по ламинату.

Мать заправила спортивную футболку в штаны и положила письма в самодельный почтовый ящик. «Вот так» – приговаривала она.

– Подарки! – кричали девочки, а потом убежали к себе в комнату. Шая развернула письма исподтишка.

«Я хочу, чтобы синяков больше не было. Хвоя».

Ольха: «Я желаю справить Новый год с папой».

Шая сползла вниз по кухонной стене; ее плечи едва заметно колыхались, бросая лунную тень на холодильник.

Новогоднее утро Шая проспала, так как всю ночь она промучилась без сна.

Хвоя зашла в комнату, передвигаясь на ощупь.

– Мама, я ослепла.

– Пресвятая дева, – мать достала икону с тумбочки и приложила ко лбу, чтобы снять жар, – ваш отец опоздал на самолет. Он не сможет отметить с нами праздник.

Она добавила одними губами: «И пропустит всю нашу жизнь».

– О нет, – Ольха стояла в дверях, касаясь сестринской спины.

Через час Шая причитала мужу в трубку:

– Ты всего лишь опоздал, а девочки вместо подарков получили на Новый год слепоту и христовы метки!

– Шай, ты преувеличиваешь. Расслабься.

– Это ты больше не приезжай, но отдыха я тебе не пожелаю.

Она считала своим основным талантом – уметь бросить

до того, как тебя уже бросили.

– Отвези их в больницу. Хотя бы, – предложил он.

– Им не помогут, Джигнидад. Мы умираем, и ты ничего не сделаешь.

Шая положила трубку, и отец и правда ничего не сделал, потому что билеты дорого стоили.

На следующий день она выслала ему документы на развод, которые он не подписал, потому что пропал без вести в джунглях Яктиробы. Лишь друг его приехал, чтобы успокоить потенциальную вдову и остался. После разорения компании групп «Элрондии» он искал любую возможность пригодиться, как палочка-выручалочка.

Шая быстро привыкла, а затем и полюбила своего нового мужа, Симбо. Он проявлял заботу и терпение. Но, самое главное, он помогал ей с ее девочками.

С первых дней она его предупредила.

– Симбо, запомни, мы очень религиозная семья, но нас испытывают. Мои дочери – ангелы – но их мучают каждый день. Меня не трогают, а ты – еще под вопросом. Но, если тебе действительно важно здесь находиться – мы все преодолеем.

После того, как их квартиру затапливали соседи три раза на неделе, хотя квартира находилась на верхнем этаже. После того, как двери сами собой закрывались и открывались, а у девочек пропадали или появлялись новые конечности, во-

лосы, или "метки", Симбо спросил:

– Может, все дело в доме. Я устроился в вышку «Кэрга Пятого», давайте переедем.

– Нет, дело не в доме, – Шая перестала накладывать начинку в утренние бутерброды, вытерла пот со лба, – ты хочешь покинуть нас? Я не буду осуждать.

– Что-то надо предпринять, только и всего, – предложил Симбо, когда ему любезно размешали какао чайной ложкой. Он поблагодарил, тяжело вздохнул.

– Они все меньше стесняются, – заметила мать, кивая на висящие в воздухе ложки, стулья, которые двигались в направлении людей, чтобы им услужить.

– Давай пригласим экзорцистов.

Его плечи дернулись то ли от сквозняка, то ли в поддержку нерешительным словам.

– Изгонять демонов из кого? Ко мне они не пристают, девочки спокойны. Как только приходят чужие люди, эти вещи стихают и квартира нормальная. Стоит только намекнуть, что пришедший сюда человек будет не чужим, а причастным – вся нечисть тут же вылупляется.

Шая негодовала. Симбо встал и размял ей плечи.

Прошел год с тех пор, как Джигнидад бросил ее, с тех пор как девочки впервые не отметили Новый год.

– Я хочу, чтобы у них был настоящий праздник, – плакала Шая, – хоть раз в год пусть эта нечисть позволит нам побыть счастливыми!

– Хорошо, я что-нибудь придумаю, – пообещал Симбо.

Он не знал, что и думать, но он так привык к этим женщинам и полюбил их.

Он пошел в самую дальнюю комнату, которую они не обжили – коморка полагалась нечисти: там она могла отрываться по полной.

Дверь ему открыли, и он, нервничая, сел на стул. Ждать можно было чего угодно.

Мужчина сложил руки домиком, затем прижал ладони друг к другу, но стены комнаты тут же задрожали, и Симбо понял, что здесь не любят религиозных людей.

– Давайте так. Я и Шая хотим праздник для девочек, я, думаю, вы тоже их полюбили, давайте подготовимся как следует. Пожалуйста. Дайте знак, что вы поможете, а не будете мешать.

Из комода вылетело лезвие бритвы и рассекло ему руку, остался малюсенький порез.

– Буду считать это знаком. У нас уговор на крови!

Симбо потряс рукой; он старался быть бесстрашным ради своих женщин.

Тогда он встал и подошел к двери, но ее не открыли.

– Что такое? Мы не договорились? Вот, – Симбо достал кошачий корм из-за пазухи и подсыпал в миску у порога. После этого дверь открылась.

Оставалось пятнадцать дней до Нового года. И теперь си-

няки и мелкие царапинки на телах девочек Симбо находили все реже. Им снились здоровые сны, и муж решил, что дела налаживаются.

– Знаешь, я подумала вчера, дела стали получше, – Шая сегодня была румяная, радовала глаз, – но, если станет хуже, мы могли бы пробовать спать на улице. Вчера я прочла статью про стиль жизни на дороге. Девушка покинула родителей, они купили маленький грузовичок, спят на задних сидениях. Там кровать раскладывается и детям можно на верхних полках, как в поезде.

– Не говори ерунды, – Симбо отпил компот и поставил его на место, – мы справимся. Я справлюсь. У меня все под контролем.

– Я знаю, что должна быть благодарна тебе! – Шая бросила кухонный нож в сторону и зажала руками лицо, – Знаю! Знаю! Но, это не нормально, Симбо, что у них синяки и порезы! Мы должны что-то сделать сегодня же!!! Сегодня же!

– Милая, дорогая, – Симбо поспешил обнять ее, извилины зашевелились шустрее, – я понял тебя. Я не лягу спать, пока что-то не придумаю. Ты права!

– Пресвятая дева! – закричала мать, позволив себе это, пока девочки в школе.

Она развернулась к мужчине, тот отшатнулся. Искры истерики полыхнули в ее глазах.

– Ты пришел год назад и принял как должное, что над моими дочерьми измывается нечисть. Мы прожили год, и я спа-

ла с тобой! Что не так со мной и моими детьми? Чем мы заслужили такое отношение?

– Детка, я делаю все, что могу...

– Ни черта ты не делаешь, Симбо Бэй. Ты пьешь чай, ходишь на работу, хотя стоит бить тревогу! Точно таким же был и твой друг! Насколько еще ты должен ко мне привязаться, чтобы понять, что надо послать все дела куда подальше, и выволить нас из этой преисподни!

– Шая, почему ты молчала?!

– Почему я молчала? – ее трясло, – может быть потому что к головам моих дочерей ежесекундно приставлены дула невидимых пистолетов, или что из моей головы вытягивают по пятьдесят волос, мои жилы сосут, как из десертных трубочек пятьдесят духов этой квартиры! Но ты пришел сюда и принял все это как должное, ты пришел сюда и пьешь, мать твою, компот! Мужик ты, или кто!

Симбо встал как столб пепла, и очутился прямо перед носом Шай.

– Женщина! Не смей на меня орать! Сегодня я решу вопрос!

– Да. Реши, пожалуйста! – накричала Шая, взяла обратно нож и завершила начатые утренние бутерброды. Иногда часть волос на ее голове поднималась в сторону, а бедра отшатывались от невидимых углов, словно тысячи рук пытаются прикоснуться к ней, не желая ничего доброго.

Симбо со злостью посмотрел на стакан компота и вышел

из дома.

В супермаркете он купил три пакета свечей на десять килограмм, зажигалки, упаковку белого мела. В садовом взял пять мешков с землей, пульверизаторы, белые простыни. Заехал в церковь и купил церковные свечи, ладанку, благоговения.

Заехал на родник и набрал четыре баклажки с водой. Вернулся в церковь и попросил освятить воду. Он уже ехал домой, как увидел вывеску "кошачий приют" и, недолго думая, прикупил трех самых мускулистых кошек, попугая и десять рыбок. Вместе с тем, ему по бонусной скидке предложили выбрать растения, тогда он взял девять цветных саженцев и одно хвойное дерево, еле впихнул его в багажник, чтобы оно смогло поместиться между ящиками с землей и пластиковым тазиком-бассейном для косметических ванн.

– Я дома! – хлопнул он дверь. В гостиной поцеловал Ольху и Хвою, подошел к Шае и шепотом сказал, что будет надувать микро-бассейн.

Шая искоса посмотрела на ящики, которые стояли у лифта.

– Кстати, девочки! Дорогие мои, вот вам папа купил котиков, – Симбо вытряхнул их на пол, те зашипели. Девочки их поймали и начали наглаживать.

– Ты ведь понимаешь, что нам не скрыться, да? – Шая подошла к Симбо. Тот кривился в лице, надувая бассейн.

Занавески колыхались, предметы летали по воздуху.

– Мы справимся, – кивнул он. Его смартфон завибрировал, – Да, святой отец, на пятый этаж.

Вскоре в дверях стояла бригада священников.

Шая сидела с края дивана и плакала, молилась, наблюдала, как дочери играют со зверьем.

Вскоре в бассейне плавали рыбки, по углам лежали земляные горки, священники ходили с пульверизаторами со святой водой, ладанками и молитвами. По кухне летал попугай вместе с другими кухонными предметами, его выжидали кошки. Летающая посуда сбивала котов с толку.

Сибилл, самый молодой батюшка, открыл балкон на максимум проветривания и кивнул на дальнюю комнату.

– Они там?

В дверь отчаянно долбили. Раздавались звуки криков, шагов, хотя вся семья и гости знали, что живых там нет.

Симбо поставил в центр гостиной пластиковый бассейн и бухнул туда всю баклажку святой воды в отношении с обычной водой – один к тридцати. Попросил женщин переодеться в купальники и залезть туда.

Женщины послушались.

Симбо позвал Артанга. Вместе с ним все слуги господни собрались возле злосчастной двери.

– Эти женщины – мое все. Эта ночь – решающая, помогите мне избавить нас всех от страданий.

– Да, конечно, – кивнул Артанг, отправив договора с хо-

зьявами в файллик, и затем – в кейс за спиной.

В доме не светил ни один электроприбор после захода солнца, поэтому уже давно вдоль стен горели сотни свечей, церковные стояли по углам. Кошки шипели на дверь, одна охрипла и ушла спать возле бассейна.

Симбо устал ждать и толкнул ногой дверь. Оттуда темное пятно вылетело прямо на священников.

– Ложитесь, девочки!

Все три головы погрузились в святую воду.

Симбо ворвался в коморку с факелом и начал материться, как последний сапожник. Святые отцы последовали за ним. Один с лопатой кидал отмоленную землю по углам, второй расставлял свечи. Ор и крики стояли такие, что у людей уши в трубочку сворачивались. Из-под обоев рвалась нечисть, навесной потолок начал прогибаться. Сибилл пшикал на него святой водой, и тот морщился, пузырился, как от кислоты.

– Рабочий процесс! – подбадривал он парней, – рабочий процесс, не останавливаемся!

Кому-то из мужчин прилетел удар под дых. Артанга скрючило посередине комнаты. Симбо бросился к нему и мелом замкнул линию вокруг, того попустило.

– Хватит! – наорал он на комнату, – Хватит я сказал! Убирайтесь! Живите в другом месте! Мы хотим встретить Новый год без вас!

Стены скулили, обои сворачивались и превращались в труху. Макушки женщин торчали над водой. Мать усиленно

молилась. Симбо запустил освященными крестами в каждый угол комнаты и сложил руки вместе. Священники затянули песнь на латыни. От вибрации стены квартиры начали изгибаться. Девочки вскрикнули, из их ран вышла черная кровь, но тут же растворилась в святой воде. Мать стала вторить на слух и вскоре все пели хором. Так они делали, пока вода в бассейне не остыла, пока не наступил рассвет и в дверь не постучали соседи.

– Прекратите! Прекратите!!! – колотили в дверь.

– Что такое? – Симбо пришлось остановиться, чтобы открыть дверь. Там стояла пожилая женщина и ее муж. Они были уставшие.

– У нас со всех стен сыплется штукатурка и кто-то долбится во все окна, дорогой сосед, хотя мы живем на восьмом этаже, что у вас тут происходит?

– А, мы всего лишь изгоняли нечисть из нашего дома и семьи, если это вас беспокоит, то можете присоединиться.

Симбо оставил дверь в квартиру открытой.

Вскоре весь этаж, а потом и весь дом разносил слова молебных песен. Уже давно встало солнце, а в окна верхних этажей продолжали стучать.

– Мы сделаем это! – Симбо поднимался на одиннадцатый этаж, в нем бурлила энергия. К дому съехался весь штат ближайшей церкви. Все работали на очищение здания. – Вот они!

Симбо увидел отпечатки рук с обратной стороны чужого

жилица. Он поднес туда свечку.

– Оставьте меня с ними, я поговорю.

Священники отошли.

Симбо обратился к отпечатку орущего лица на окне.

– Пожалуйста. Только пожалуйста.

Симбо мысленно взмолился. Затем приложил свою руку к отпечатку. Окно было накалено, но мужчина не отдернул руку.

– Пожалуйста, нечистые силы, пожалуйста, уходите.

Отпечаток растворился и исчез.

Уход зла праздновали всем кварталом, разводили пикники по всей детской площадке. Жарили овощи и зефир на палочках, дети строили снеговиков.

За два дня до Нового года у девочек прошли все отметины и отпечатки злых сил. Шая и Симбо радовались и обнимались, наряжали ёлку.

Джин Мороз

– Если бы тебе предложили, что ты можешь достать из сугроба всё, что пожелаешь, но у тебя насмерть отморозятся руки, ты бы согласился?

– Да, – ответил Стелп.

Дед Мороз махнул посохом, ударил им о землю и исполнил задуманное для Стелпа.

Тот залез правой рукой в сугроб и достал сундук со слитками золота. Залез в сугроб левой рукой и достал второй сундук. Отряхнул почерневшие руки друг об друга, и они откололись. Он попросил дочерей поднять сундуки вверх – в квартиру, а сам поехал на скорой. За достаточные деньги ему сделали отличные протезы, но денег остался еще излишек для других желаний.

– Прогрессивная медицина – наше всё, – сказал Стелп, запихивая в рот ложку черной икры на краю бассейна, выложенного черной плиткой: тот находился на балконе самого высокого небоскреба Лос-Анджелеса. Обратился к служанке, –Телис, передай акционерам, что я выйду на работу только после 15 января, – затем он погрузился в воду и стал плавать с дочерьми, разглядывая в маске для дайвинга огни ночного города.

Огонь новогоднего рубежа

«Я – один из выживших в катастрофе 2024 года.

Это сообщение, я надеюсь, получат наши потомки, чтобы учесть горький опыт.

После того, как мы потеряли Землю, нам приходится выживать на гигантском космическом поезде, который держит путь к ближайшей планете Исатее.

Говорят, там есть условия для жизни.

Также ходят слухи, что туда ушел адекватный космический корабль с небольшой группой избранных и образцами природы, семенами, оплодотворенными яйцеклетками, с ящиком-архивом, хранящем человеческие знания.

Поезд, куда засунули всех остальных, создавала команда ведущих ученых и инженеров во время апокалипсиса, пока падали метеориты и время от времени случались землетрясения. Делали его второпях, и, видимо, не особо полагаясь на здравый смысл, поэтому он имеет свои недочеты. Как сказали ученые, это всего лишь шанс выжить для простых смертных.

Лучше, чем ничего.

Нам пришлось купить билеты и приготовиться к любому исходу.

Мы, пассажиры, привыкли ко многому.

Поезд движется по спирали. Спираль изогнута по дуге, а

дуга тоже движется по своей траектории.

Раз в год мы преодолеваем «огонь», как его называют старожилы. Это точки в космическом пространстве, через которые поезд неминуемо проходит с годовой периодичностью. Мистика это или магия – мы не знаем, маршрут уже проложен ныне умершим водителем, и, как говорится, «работает – не трогай».

Когда-то этот день считался праздником. Теперь же его не считаешь ничем другим, как чистилищем, цунами, испытанием.

Есть определенный ряд действий, который опытным путем выявили, чтобы пережить «миг огня».

Подготовка начинается за три месяца до события. Хотя, если подумать, приходится всегда быть в тонусе начиная с первого января. Ближе к декабрю поезд начинает ускоряться, чтобы к точке Нового года достичь скорости света. Тряска, периодическое выключение света, инерция все сильнее мешают, поэтому старики рекомендуют закрывать все дела до декабря, а лучше – до ноября.

Очищающий огонь во время боя курантов сжигает не всех, а только тех, кто не успел.

Перво-наперво, необходимо убрать свою комнату-купе. Если у вас есть мусор – в Новый год вы сгорите. Лишнее и ненужное здесь касается всего – разум, душа. Помыслы также должны быть чисты.

Необходимо подчищать все хвосты из прошлого. Про-

щать обиды, отдавать долги, сдавать отчеты. Люди, в целом, стали добрее. Нет времени на склоки, когда у всех общий враг – огонь новогоднего рубежа. Мы поддерживаем отстающих, вместе растим детей, распределяем занятость равномерно. Но естественный отбор таки происходит, как бы мы не сопротивлялись.

Планета Исателя встретит только чистейших.

Иногда мне кажется, что ученые не сошли с ума, но придумали механизм очищения человеческой популяции, «раз пошла такая пляска».

Я бы не начал писать это письмо, если бы не охватившее меня отчаяние. В этот раз я не успел разгрести свою жизнь, слишком много навалилось. Остальные тоже еле держатся, поэтому только я нашел важным чиркнуть пару строк на случай, если люди не справятся.

Бабушка рассказывала мне, что раньше за хорошее поведение добрый дедушка по имени Мороз дарил подарки.

Эти времена в прошлом.

На нашем поезде за плохое поведение тебе светит только посмертный огонь. Бабушке чудилось, что есть нечто роковое, смертельное в вещах и делах, которые человек не завершил до Нового года. Она говорила, что незавершенные вещи никуда не деваются и однажды придут за всеми нами, и станут решающим фактором в решении жить нам или умереть. Новогодний поезд воплощал её страхи.

Хочу также сказать, что в тридцатые годы двадцать перво-

го века умерла большая часть человечества, обделенная знаниями. Сейчас мы имеем поезд длиною с земной экватор, но по факту нас около тысячи человек. Стараемся плодиться и размножаться, но в таких условиях, сами понимаете, немного сложно...».

– Оен! – его окликнули. Оен отложил «сообщение потомкам» и открыл дверь купе. В коридоре вагона стоял его лучший друг – Мегекин. Он сказал:

– Новогодний рубеж через час, пора идти.

– Да, помоги мне придумать конец письма.

Вместе они дописали:

«Это обращение к потомкам, либо любым людям, кто найдет его, либо к жителям Исатии. Если никто из нас не доживет до прибытия на Исатию – знайте, эксперимент ничего не доказывает. Потому что, если вы прочтете эти строки, значит, вы живы. И уже не имеет значения, есть у вас долги, «хвосты», нерешенные проблемы или нет.».

Оен и Мегекин побежали на «елку» в первый вагон, чтобы отыграть театральную постановку. Оен играл Деда Мороза, Мегекин – снеговика. В окнах чернел космос, а звезды смазывались на скорости.

Группа из сотни человек теснилась в новогоднем вагоне, люди произносили заученные речи, кто-то составлял аккомпанемент на музыкальных инструментах. Люди поднимали бокалы за Новый год, потом писали желания-планы на сле-

дующий, и торопились сжечь листочки, бросали их в напитки и выпивали, держась за поручни.

Рядом с Оеном стояла его девушка, Грени. Грени пожала ему руку и сказала:

– Ты – самый прекрасный человек, которого я знаю.

– И я тебя люблю.

Они съели по дольке консервированных слегка забродивших мандаринов и поцеловались.

Людей бросило назад в момент ускорения поезда. Один человек, затем ещё трое на дальнем конце вагона закричали. Пламя охватывало людей из толпы целиком, с ног до головы, поглощало, стирало мгновенно в пыль, одного за другим. И вот – одиннадцати человек как не было. Но огонь не унимался.

Ближайшие родственники и друзья хватались за заготовленные бочки с водой, песком, спешили победить огонь, но он имел мистическое происхождение. Окна полыхали светом – поезд достиг верхней скорости.

На лице Грени застыло облегчение, а потом паника. По белоснежной коже заплясали огоньки.

– Грени!

– Я не успела! – воскликнула она в слезах, – Я не успела помочь пятидесяти людям в этом году. Получается, только что умерло больше.

– Ты писала «спасти 50 человек» в своих прошлогодних желаниях?!

Грени рыдала, а ее слезы мгновенно испарялись. Затем перед взором рыдающего Оена встало сплошное желтое пламя. Безымянное, безликое пламя унесло его любимую.

Скорость падала, и Оен мог видеть черный безжалостный космос за окном. Он отодвинул шторочку до предела.

– Что ты запланировал в этот раз, Оен? – спросил его друг.

– Спасти всех, – тот поднял глаза на Мегекина, как смертник: смело, мучительно, с решимостью. Его бровь подрагивала от тика.

– Осталось три года до Исатии.

– Я спасу всех выживших в этом году, Мегекин.

– Нам придется тебе помочь, – ответил тот.

К следующему рубежу Оен и правда всех спас. Перепрограммировать маршрут не удалось в январе, поэтому весь год он решал проблемы каждого отдельного человека.

Через два года они прибыли на Исатию. Их встретили жители колонии, без радости, смотрели на прибывших сверху вниз.

Открытого конфликта между элитой и пассажирами поезда не случилось, но эволюция показала, что в конечном счете выжили пассажиры новогоднего поезда: они чистились каждый год по привычке, как ветераны войны, никогда не забывающие события прошлого.

А члены элиты так или иначе скончались, или их потомство завершалось тупиковой ветвью: кто вел слишком праздную жизнь, кто позволял себе гомофилию, инцест, «чайлд-

фри», нездоровый образ жизни, уход в виртуальную реальность, жено- или мужененавистничество и т.д.

– Этот страшный огонь, он... жесток, – объяснял Оен, – но он воплощает справедливость. Им руководила сама природа. Это отлаженный механизм, карма это или бумеранг, прилетающий из будущего. Я до сих пор не силен в эзотерике, но я знаю, что если пообещал – выполни, если захотел – добейся, взял – положи обратно, сломал – почини, вляпался – выберись. Здесь нет сложной математики, ведь я далеко не гений, но сумел разобраться. Первое случается всегда, а если мы не сделаем второго – нас всех ждет огонь.

Теневая сторона новогодней елки

Задумал как-то мальчик Петрималь поймать деда Мороза и узнать, откуда он такой взялся – щедрый, богатый, добрый и везде успевающий.

Сгустились сумерки накануне Нового Года. В гостиной потушили свет, когда в камине уже догорали последние угольки. Желтые искры слабо вспыхивали в глубине серой золы, а мальчик Петрималь уселся закутанный в одеяло подле дивана и уставился на камин. Ждать пришлось недолго.

Вроде бы в дымоходе послышался шум, шуршание, скрежет. Что-то посыпалось.

Петрималь скинул одеяло, достал винтовку отца из стеклянного шкафа (он предусмотрительно зарядил ее сегодня после обеда). Петрим устроил оружие на подлокотнике дивана и прицелился в центр камина.

Ему пришлось около пяти минут слушать, как старик пыхтит, прежде чем тот появился. Но не в камине: дед отворил дверь черного входа на кухне, повозился там с минуту, и вышел в гостиную.

Петрим перевел прицел на кухонный проем, который как раз загораживала большая елка. Старик осторожно вышел из-за елки и застыл, увидев мальчика. Тот взвел курок. Борода старика не сбилась на бок, как ожидал Петрим. "Настоящая" – подумал мальчик.

– Ни с места, – шепотом приказал Петрим. Он указал ружьем в сторону лестницы. – Медленным шагом – на второй этаж. Первая дверь направо.

Дед растерянно взглянул на мешок. Мальчик кивнул, чтобы тот бросил его здесь.

Так они вдвоем добрались до спальни мальчика.

– Мои родители спят, поэтому тише.

– Что тебе нужно? Отдать тебе все подарки? Хочешь проверить, что тебе выпало на этот раз? – дед дернулся в сторону выхода, будто бы за мешком с подарочными коробками.

– Нет! Я только хочу все знать.

Мальчик нажал кнопку на ручке двери, та защелкнулась. Он сел на пол между дверью и кроватью с ружьем в обнимку. Ковер располагался только возле кровати, и ему пришлось сесть на голый холодный пол, но, похоже, его это не сильно волновало. Окно в детской было приоткрыто, и оттуда медленно и беспорядочно вылетали легкие и словно сухие снежинки. Хрупкая мальчишеская фигурка смотрелась неестественно вместе с громоздким железным опасным предметом – огнестрельным оружием. Сколько ему: десять, тринадцать лет? Хотя мальчик уже вытянулся по росту, его лицо еще не потеряло младенческой свежести и припухлости, особенно щеки и губы. Он мечтательно улыбнулся деду:

– Расскажи мне, кто ты.

– Я...

– Расскажи, почему даришь подарки. С какой вообще ста-

ти? Тебе нравится твоя работа?

Дед побледнел и снял вязаную шапку, почесал редющие белые волосы.

Он начал свой рассказ после продолжительной паузы:

– Раз уж ты загнал меня в угол, парень, так и быть, слушай внимательно. Наша история ведет свое начало около пяти веков назад, когда один благородный мужчина по имени Ледлев откололся от не такого уж благородного рода, и основал собственное семейство. Он разорвал все связи со своими грубыми и невежественными родственниками, – дед помял шапку и метнул ее на прикроватный столик. Шапка зацепила сконструированный самолетик Петрима, тот упал с грохотом.

– Тише! – возмущенно проныл Петрим с детским надрывом, – Родители спят!

Дед кивнул и продолжил практически шепотом, голос у него был податливый и бархатный, как у пантеры:

– Тот мужчина, Ледлев, основал Холодную семью, чтобы подчеркнуть, что теперь все его потомки будут хозяевами своих эмоций, что они будут осознанными. Он всему научил своих сыновей, а те в свою очередь его внуков, – старик бросил усиленный взгляд на Петрима, а потом принялся вновь ходить по комнате.

– Его учение заключалось в следующем: дар жизни невероятен и огромен, но все человечество пренебрегает этим страшным долгом, и в итоге расплачивается страданиями.

Левлев настаивал, что с малолетства каждый из нас должен приучаться отдавать дань дару жизни: думать об обделенных вперед себя, кормить голодных, отдавать последний кусок нуждающемуся, проявлять заботу и тревожность. На первый взгляд многим кажется, что это благотворительность – добро в направлении окружающих – но ничего подобного. Это просто откуп, чтобы расплатиться первее всех, и тогда уже, в будущем, зажить полностью свободно. Это естественный порядок, без которого не будет истинной свободы. И так поступаю я, как последний из Холодной семьи.

– Но мы все знаем тебя, как деда Мороза! – удивленно воскликнул мальчик.

– Мало ли как меня называют обычные люди. Санта Клаус, Эльф, Домовик, святой Николай... Вообще мое имя – Меррик. Ты пойми, я не жалуясь на свою жизнь, но если твой вопрос касался...

Тут старик, как газель перепрыгнул два метра, минуя парня, и оказался у двери. Пока Петрим хлопал глазами, он стал рвать дверную ручку, чтобы выйти.

Петрим отвел ружье в окно и выстрелил в предусмотрительно открытую форточку. Старик тут же замер.

– Ты совсем спятил, мальчик?

– Забирайся под кровать, и чтобы не звука, – яростно шикнул мальчик. Быстро пошел и выключил прикроватный торшер, а сам лег под одеяло с винтовкой.

Ровно через тридцать секунд в темную комнату ворвался

отец Петрима, в сползающих на трусы пижамных штанах, с голым худощавым торсом, с бешеным выражением лица, на котором светились белки глаз. Он обследовал все пространство детской (контейнеры с игрушками, окно, комод, шкаф с одеждой, кровать, дверь в кладовку) и, наконец, подошел к кровати, чтобы поправить одеяло.

– Петрим, ты спишь?

Петрим изображал спящего и причмокнул губами, как он это делал во сне.

– Петрим?

Тут за окном на соседнем участке взорвалась петарда, а через двадцать секунд еще одна. Внутренний двор соседа отсюда не было видно, только огни над крышей и подсвеченный дым. Отец быстро подошел к окну и выглянул из-за шторы:

– Твою мать. Да он сумасшедший, – едко бросил отец сам себе, еще раз посмотрел на спящего сына и вышел. В течение пяти минут он шарился на кухне на первом этаже, что-то доставал из холодильника, мыл под раковиной, потом, судя по всему, ушел в спальню. Звуки затихли.

Петрим включил торшер и подал сигнал старику вылазить.

Дед умиротворяюще поднял руки и хотел начать извиняться.

– Да не тяни уже, рассказывай, а то так ночь пройдет.

– Хорошо, – дед собрал брови на переносице, вспоминая,

на чем остановился. – Сынок, ты спрашивал, нравится ли мне моя работа. Так дело в том, что это моя жизнь, она складывается не лучшим образом, но, согласись, иначе никак. Механизм долга никак не обойти. Весь год я работаю, где придется, в основном в фирме моего отца, “Бокс-Фокс”, там производят разного рода тару и праздничную упаковку – от полиэтиленовых пакетов до элитарных шкатулок. А где-то месяца за три до нового года я трачу накопления на сотни и тысячи подарков. Упаковываю тоже за счет фирмы, очень удобно. Мне не нужно хорошее жилье, отпуск. Все что имею – отдаю. Такой принцип. Вести социальную жизнь мне тоже некогда. Свои сердечные заболевания, и остальные, по мелочи, я лечу, как и другие простые люди, в бесплатных клиниках для малоимущих. В Новый год я объезжаю всех, кого успеваю, и кого вспомню, чтобы вручить подарки. К сожалению, а, может, и к счастью, обычно в первую очередь вспоминаются адреса людей, которые показали себя добрыми и ласковыми. Но при недостатке времени я одариваю людей целыми кварталами, и тут уже признаться не присматриваюсь, кто и что заслужил. На самом деле мы работаем группами – кто с братом, кто с кузиной. Нас, конечно же, обучали взламывать дверные замки отмычками, но здесь все совершенно чисто и с правильными помыслами, о чем я, собственно, тебе и толкую. В нашем деле очень важны родственные связи; остальных людей не привлекаем, ни к чему это. Потому как это глубоко личный выбор, и своего рода крест, а, в каких-то

аспектах, и религия, и вера. Мы верим в то, что делаем, и что нам воздастся. Вот такая жизнь. Хорошая или плохая, – он глянул на мальчика сквозь маленькие круглые очки, – это не тебе решать. О нас распустили много лишних слухов, но так уж мы воспитаны, сыновья Холода.

– Сколько тебе лет?

– Тридцать четыре.

Мальчик удовлетворительно глубоко вдохнул, а потом медленно выдохнул. Закрыв форточку, чтобы в конец не замерзнуть, повернулся к деду (или к мужчине, который казался старым – кто теперь разберет?) и ответил:

– Как все запущено. Ой-ей, – он театрально схватился за лоб, словно глаза, виски заболели, поморщился, – Да это же настоящая чума, как я и думал. Еще с самого детства! – восхищенно воскликнул он, опасно обнимаясь с ружьем, – С тех пор, как мне начали морочить голову этими сказками про волшебного старика, я почти сразу понял, что здесь что-то не чисто. Ну не может человек только тем и заниматься, что одаривать всех подарками безвозмездно. На что он живет? Думал я. Когда успевает есть? Что он делает, если заболел в новогоднюю ночь? Есть ли у него хобби? Что за странный персонаж этот старик, и почему его все любят?

Меррик неловко пожал плечами, сидя на кровати, почесал левое плечо и оглянулся на розовеющую в синем небе луну. Он поджал губу в полном недоумении.

Мальчик продолжал возмущаться:

– Честно говоря, я подумал, что за идиот этот мужик. Вероятно, он выжил из ума, раз всех одаривает в таких масштабах, или, что вероятнее, он опасен... потому что ничего не делается просто так, и это какой-то масштабный подкуп, чтобы в дальнейшем спросить со всех. Дьявольские сделки...

– Сынок, мне кажется, ты вкладываешь слишком много смыслов.

– Погоди-погоди, – тот аш присел, словно хотел в туалет по-маленькому: смех чесал ему легкие, – Я подумал, что ты опасен! Я захотел узнать твой черный план по захвату планеты.

Дед многократно мотал головой, потом еще добавил "нет-нет" как-то хрипло. Пожевал щеку, сомкнул указательный и большой пальцы в кружок, прицелился прищуренным взглядом в мальчика, сказал:

– Ты не поймешь. Просто мы отдаем непомерный долг. Я же сказал в самом начале, что это дано не всем понять. Я давно смирился с этим. Наша семья верит в реинкарнацию, если тебе интересно. Эту, и следующие три десятка жизней я буду жить для других и зарабатывать право, чтобы однажды родиться, и жить для себя... Для себя, малыш. Теперь понял? – под конец его голос окреп, и он повеселел.

Петрим некоторое время держался, но потом он взорвался истерическим смехом, изо всех сил прикрывал рот рукой, поэтому воздух шел через нос, аж сопли вылетели, и он пукнул. Только после этого Петрима одолел страшный стыд, и он

затих, прислушался, не проснулись ли родители, отдышался. Он подсел на край кровати к деду.

– Я вот что скажу, если тебе интересно, – одиннадцатилетний мальчик сложил руки подобным образом – указательный палец к большому, на обеих руках, подобрал ноги в позу лотоса, уложил руки на колени, – Все это чушь.

Он почувствовал, что не достигнет нужного эффекта, поэтому опять взялся за ружье и уставил его на седого мужчину.

– Не бойся, оно на предохранителе. Просто я хочу, чтобы ты сосредоточился. Все, что ты знал – чушь. Лучше послушай меня. Ты никому ничего не должен, окей? Я мог бы остаток ночи приводить тебе много аргументов, но ты уж поверь мне на слово. За тридцать лет ты состарился так, словно тебе девяносто. Но ты еще успеешь все исправить. Ты родился, чтобы прожить свою уникальную жизнь для себя. Кивни, если понял.

Мальчик тряхнул ружьем, и Меррик кивнул с сомнением.

– Это мой подарок тебе в эту волшебную новогоднюю ночь, Меррик. Если ты ждал разрешения, или шантажа, чтобы кто-то освободил тебя от кучи выдуманных долгов на тридцать жизней вперед, то я беру и освобождаю. Не благодари.

Мужчина скорчился, как от боли:

– Да брось, парень, с чего ты взял, что я тебя послушаю. Эгоизм – это пройденный этап эволюции, я не хочу делать

шаг назад.

– Тебе придется, умник. И это будет шаг вперед, кстати. Вначале ты его сделаешь, а уже потом сам допрешь, что я дело говорю.

– И как ты меня заставишь?

Мальчик долго пронзительно смотрел в глаза мужчины, насупился, но вдруг его лицо исказилось болью и печалью.

– Да никак, – Петрим снял с плеча ружье, оставил и стал вытирать слезы. Его лицо дрожало, и он стал всхлипывать, – Я бы сказал, что отомщу. Что посвящу свою жизнь тому, чтобы отбирать подарки у людей, которые ты им подарил, но это бессмысленно. Я бы сказал, что буду преследовать тебя, и прослежу, чтобы ты жил за себя, но и это без надобности. Я мог бы убить тебя, но ты итак скоро умрешь от старости. А после смерти я уже не смогу тебе отомстить. Ты сбежишь на тот свет от моего возмездия. Да и в том чертов смысл, который я пытаюсь до тебя донести – я не собираюсь как ты гробить свою жизнь ради того, чтобы что-то кому-то доказать или возместить. погоди минутку, ладно?

Петрим важно прошагал до тумбочки, шмыкая носом, достал мобильник и набрал друга, что жил в доме по соседству:

– Тайкл, как ночь? Беги сюда. Да, я выиграл пари.

Через две минуты Петрим открыл обе ставни окна, и к ним по скату крыши забрался его друг, мальчик Тайкл, того же возраста что и Петрим. Тайкл бессознательно сделал рот буквой "о" от удивления, и без комплексов смотрел на

волшебного деда, сидящего на кровати. Почти сразу он взял себя в руки, достал из бумажника 100 евро и 100 долларов, отлистнул их от пачки других наличных и дал Петриму. Он пожали друг другу руки.

– А можно я останусь поглазеть? – спросил сосед.

– У нас тут серьезный разговор. Не уверен, что ты во-льешься.

– Да что ты, Петрим, я же всегда был свойский.

– Ну ладно, – Петрим закрыл окно. – Светает.

Меррик и Тайкл грустно кивнули.

Петрим сел на колени перед седым бородатым мужчиной и взял его за морщинистые руки, обратился к нему, делая большие паузы между словами:

– Слушай, дядя? Я тебя, считай, уже отпустил, но перед тем как ты уйдешь, я просто прошу тебя поверить мне: ты – венец творения природы, как и любой другой человек. Тебе не надо заслуживать право жить так, как тебе хочется. Тебе не надо раздабривать окружающих, чтобы они тебе разрешили жить так, как ты хочешь. Тебе не надо продавать жизнь в благодарность за то, что ты жив, понял? Лучшее, что ты можешь сделать – это жить так, как хочешь только ты.

Петрим встал с колен и взмахнул руками:

– Я все сказал. Но это не приказ, упаси бог, как говорится, и ты волен делать все, что хочешь, даже если в твоём случае это будет означать, что ты продолжишь до конца жизни делать то, что должен, а не то, что хочешь.

Тайкл улыбался, показывая всем свои не совсем ровные зубы с промежутками, переводил взгляд с Питрима на деда и обратно. Он немного сомневался правильно ли понимает разговор, но был рад любому раскладу, лишь бы в присутствии легендарного персонажа. Единственное, он рассеянно поинтересовался:

– А как же добрый старик, вручающий всем подарки?

– Таких заказывают на корпоративы и утренники, как аниматоров. Эта опция никуда не денется, Тайкл, ты же знаешь.

Меррик кивнул и посуровел.

Когда лучи, брызжущие из горизонта превратились из глубоко красных в нежные розовые и оранжевые, Меррик попрощался с мальчиками, вылез через окно, по крыше, а потом по выступам в задней стене дома, опираясь на близко расположенный забор. Он только мельком глянул на камин в окне первого этажа, на мешок, набитый подарками, но затем развернулся и зашагал по чужому газону, покрытому инеем и легким слоем снежинок. Снежинки и правда летели колкими иголочками прямо ему в лицо вместе с довольно теплым для зимы ветром. Небо светлело и прогоняло облака с юго-востока на северо-запад. Меррик шагал по тротуару, и с каждым шагом его походка обретала большую уверенность. Он шел по улице между красивых коттеджей, наступало утро первого января.

Ему все казалось, что из окон ровно стоящих коттеджей выглядывают дети, что кто-то из них, может быть даже вы-

бежал на крыльцо. Дети могли бы охать и перекрикиваться с друзьями-соседями “Это же дед Мороз!”, “Да, это он, он!”, “А где его мешок?”, “Дед, а где наши подарки?”. Дети, вполне вероятно, уже идут за ним гуськом. Меррик резко обернулся, но никого не увидел. Никто не хватился волшебного старика. Вообще, улица была пуста, и по округе раздавались только его шаги, хруст свежеснеженного снега.

Меррик растерянно подошел ближе к окну одного из домов, куда он так и не успел зайти, чтобы оставить свой след. Там, в окне, красные шторы открыли картину утреннего завтрака, как занавес открывает сцену в театре: семья собралась у елки, и достает оттуда коробки с подарками, один за другим. Родители восклицают; дети щебечут, словно воробушки; все обнимаются. Окно отделяющее Меррика от счастливой семьи, и от подарков, показалось ему слишком безжалостным и жестоким, словно его, тридцатилетнего старика, выставили за дверь, как нашкодившего пса. И на душе у Меррика пробежала тень грусти, как облако над холмами в предштормовую погоду. Тень оставила после себя какую-то пропасть, пустоту. Меррик прищурился и взглянул на солнце. “Так вот ты какая, свобода”. В его душе произошли стремительные изменения, как если бы с небес хлынул снегопад, точно ливень, и наполнил опустевшую чашу. Пустота осторожно стала заполняться новыми ожиданиями, надеждами и мечтами.

Он побрел дальше по улице, мимо любого из этих домов.

Куда-то на юг, а, может, на восток. Он обязательно решит. Жители впереди стоящих коттеджей заметили бы, что Меррик улыбается, и смотрит вдаль, и блики в его глазах танцуют как снежинки, но многие из них были заняты распаковыванием подарков под елкой.

Новогодняя притча о звездочке

Однажды маленькая звездочка Ласка упала с неба, чтобы посмотреть, кто из людей самый счастливый и кто из людей самый несчастный, и подарить им подарок, достойный неба.

Всюду расстился снег, блестел как лунная дорожка, покрывал города и села. Стремительно сумерки наступали. Вот и огоньки в окошках начали загораться, и люди широко открывали рты от заразной зевоты.

Звездочка укуталась в серебристое теплое платье посеред поля, вынула ножи из сугробов, как ложки из застывшего глазированного йогурта. Платье степенно непрекращающейся каемкой украсилось тоненькой мишурой. На ногах – сваленные белесые чулки. Руки – в мягчайшей муфте.

Ласка топала в маленький городок Урфиль. Знала она – найдет что ищет.

– Счастлив ли ты? – спросила она охранника на посту первым делом.

– О нет, звездочка, драгоценная. Я глубоко несчастный человек.

И она шла дальше. Не верила она ему, потому что в несчастье человек нашел силы работать.

– Счастлив ли ты? – спросила она краснощекого купца на ярмарке Семи Миллионов Богов.

– О да, детка Ласка, я крайне счастливый человек. У меня

и семья, и воцерковление на славу, и мешки денегов. Все что хочешь – есть. Помирай хоть щаз.

Но шла звездочка дальше, мерцая в сгущающейся сумрачной тьме.

Неспеша, одна за другой, по спирали, по улицам спускались вагоны снежинок. В лицо дул порывистый теплый ветер. Глаза слезились, и слезки замерзали в круглые кристаллики. Падали под ноги с беззвучным звоном о накатанную дорогу.

– Скажи мне, о верующий в Бога, счастлив ли ты?

Сложив ногу на ногу, в углу храма сидел скукоженный хромой человек.

– Не имею я права быть несчастным, когда сын божий за грехи наши мучился, – поведал хромоног, – ну, а на счастье я и не надеюсь при жизни.

Служитель схватил рядом стоящую метлу и начал подметать ею обшарпанный пол впопыхах.

– Ну а ты, ты счастлив? – спросила Ласка у бритого монаха возле круглой статуи на улице.

– Разве не видно по мне, девочка, я есть счастье, я есть несчастье...

Он еще много чего говорил, но Ласка перестала его слушать на полуслове и двинулась дальше. Не поверила она монаху и его беззубому рту, не поверила его бедной жизни, в которой он ежедневно отбивал поклоны безжизненному камню.

– Счастлив ли ты, или глубоко несчастен? – спросила звезда слугу народа, в черном гладком одеянии. Выглядел он серым, хмурым и убогим, поэтому она почти поверила, что нашла одного из претендентов.

– Разве похож я на счастливого? – со скучающим лицом служитель народа зачерпнул горсть винограда и поднес к лицу, – могу ли я думать о себе, когда миллионы страдают?

– Действительно, не можете, – Ласка сузила губки на толстом своем личике.

И пошла дальше.

Спрашивала она и у дворника, и у отца, и у матери. Все, так или иначе, до конца не были ни счастливы, ни несчастливы. Больше всего ей понравились детки. У них она сколько ни спрашивала – ответа не получилось добиться. Иногда они плакали, иногда смеялись.

Стало стыдно звездочке возвращаться на небо с поражением. И решила она остаться. Надеялась, что найдет еще таких людей, выполнит свое задание.

Но шли года, Ласковая звездочка росла, превратилась в цветущую женщину. Позабыла она о своей цели, о своем задании, словно всю жизнь жила на смертной Земле.

Взял ее замуж приличный семьянин, у кого руки откуда надо растут и стал заботиться о звездочке. А она – о своем мужчине.

Грянул гром среди темной зимней ночи. Словно молния полыхнула, родился у звезды самый настоящий челове-

ский ребенок.

И стал он для нее вполне ожидаемым и смелым ответом.

Пока воспитывала она его, охаживала маленькое беззащитное тельце, не слышала она большего несчастья в головах, чем плач младенца. И не слышала большей радости в жизни, чем его смех.

Так Ласка подумала:

"Коли разгадала я загадку миров, которую часа себе задаю, могу я теперь вернуться?"

Но потом поняла, что не позволит ей звездочная честь вернуться домой без ребенка, да и оставить всех остальных ребетей на земле.

И тогда решила она послать своего собственного ребенка на небо, чтобы он сиял и смеялся в звездной вышине, радовал всех в округе.

Но узнал о ее плане муж звездочки, Каминей, не выдержал он такого хамства.

– Как смеешь ты решать за нашего ребенка? Давай, или вместе звездочками станем. Или никто не станет!

Должно было слушать своего избранника. Решила звезда Ласка, что останутся семьей они на Земле. А всем лялям и пупсам, что по какой-то невиданной причине завершают жизнь на земле в младенчестве она подарит от своего сердца звездный подарок – будет делать их маленькими звездочками и посылать на небо вместо себя.

Неведомо ей было, почему самых несчастных и самых

счастливых настигает смертный рок, но хотела она всего лучшего для них.

В праздничный час, когда света днем меньше всего, а звезды на небе сияют почти круглые сутки, отправляла она на небо детей пачками.

Близился и конец ее земной жизни, и не знала она, куда себя, звезду, деть. Ведь не по земным законам жила она.

Муж давно умер, а дети уже выросли и имели свои собственные семьи. Одиночество спустилось, как крона осеннего дерева на промерзшую землю ее сердца. Захотела она домой, да не смогла вернуться.

Долго скиталась звезда по Земле, пока не умерли все ее дети, внуки и правнуки. Размышляла о брендом, да домой хотела.

Наконец, пришла в голову Ласке идея. Да идею эту она выбросила в океан холодный, как бесполезную. Все идеи от ума, а умничать она устала. Домой она хочет, смерть как. Бросила она тело свое старое, да полетела домой, как есть, голенькая, пухленькая, в серебристом мерцающем платышке. Руки – в муфте. И пока летела, вспомнила, что сама всегда была ребеночком, несмышленным, испуганным, хохочущим в ночной тишине, звонким колокольчиком. Колокольчиком на небе, окружённым безбрежным океаном ночи.

Жена Деда Мороза

Девушка Милиан мечтала об удачном замужестве.

Поэтому она весь год вела себя очень хорошо и написала целый список желаний в письме деду Морозу. Когда он ночью подкрался к ее елке с большим мешком, она включила свет и предстала в прекрасном северном наряде: стеганный тулупчик, гетры, платье на меху, новогодний макияж, кудри. Дед Мороз задержался в ее доме, а потом остался насовсем. Работу пришлось сменить; все человеческие дети остались без подарков от великого благодетеля.

Он обеспечивал Милиан всем необходимым, исполнял любые ее прихоти, любил и лелеял.

Через 10 лет дед попал в группу женоненавистников в контакте и прочел, что если подаешь пальто женщине – то становишься ее рабом. Мороз переосмыслил поведение любимой и решил: Милиан вела себя плохо.

Он собрал мешок и съехал. Ну а Милиан нашла себе другого "идиота", который думал на ее счет иначе.

Труп Деда Мороза

Детри уже третий день просыпался утром вспотевший.

Ему снилось, что деда Мороза не существует.

Уже когда он чистил зубы, до него доходило, что так, собственно, и есть.

Детри исполнилось шестнадцать лет, и он мечтал о мотоцикле, о девушке Зунланде из одиннадцатого класса, о том, чтобы родители не развелись.

Всё, что от него требовалось, это изображать хорошее поведение и обещать, что он исправится. Но ни одно из его желаний не исполнилось, а 1 января он получил в подарок брендовые кроссовки.

– Да ты меня заколебал, Детри, – смеялся его лучший друг Токет, – Лучше найди работу, и давно бы уже получил свой мотоцикл. А Зунланда живет в моем подъезде, только руку протяни. Если ты еще полгода будешь бездействовать, я сам ее уломаю.

– Не трожь мою девушку, – процедил Детри, – Она будет моей, я верю.

Детри все рассчитал.

Чтобы накопить на мотоцикл, пришлось бы работать 3-4 года и жить впроголодь. Чтобы заполучить Зунланду – нужно было также пройти личностный тренинг по пикапу, который стоил 30 тысяч (его рекомендовал местный "бандерас",

у которого не было отбоя от поклонниц). И новый гардероб – столько же по цене. И Зунланда ясно дала понять, что ей не нужен молодой человек без мотоцикла. Короче говоря, дешевле было смотреться на северный полюс и стрясти с деда Мороза все вышеперечисленное в качестве подарков.

Но Детри никуда не поехал. Он вспомнил, что собирался на север, когда Зунланда вышла замуж за Токета, и у Токета не было собственного мотоцикла. Мотоцикл они купили потом, и сфоткали себя на нем во всех позах, выложили в инстаграм, когда совершали кругосветное путешествие по миру.

Однажды Детри проснулся утром после кошмара, чистил зубы и понял, что откуда-то воняет трупом. Полдня он ходил и пытался, понять, откуда запах, а потом понял, что скоро 31 декабря, и с каждым днем пахнет всё сильнее.

Это где-то разлагался труп деда Мороза.

Вот что понял Детри.

Он рассказал об этом Токету, но тот старался избегать своего школьного друга. И все же Детри настоял на встрече и вещал, сидя в кафе:

– Я уже ничего не могу сделать, но если я единственный – кто чувствует запах – мое предназначение в том, чтобы найти источник зловония.

– Ты сходишь с ума, – испуганно посмеялся Токет.

Детри купил снаряжение для похода, собрал рюкзак и вышел в кольцевой поход по городу. Шло 12 декабря; падал

снег. Детри принюхивался, и его красный от холода нос вел его к трупам деда Мороза.

Он ночевал в подъездах и на скамейках вокзалов. Детри преодолел северную железно-дорожную ветку, обшарил пять городов, пока не остановился в самом северном – Истогше. Дальше шла тундра. Детри потратил последние сбережения, запасся необходимым и пошел по снегу и метелям.

Среди льдов Детри увидел в сугробе ноги в валенках. Детри отогнал белых медведей и песцов, потянул за ноги в гамашах.

Он определенно нашел труп деда Мороза.

Всё было при старике: красный тулуп, шапка, лацканы на заячьем меху, валенки, посиневшее замороженное лицо.

Детри пригнал грузовик с деревянным ящиком, сложил деда Мороза туда, сверху накидал снега и повез в Истогшу. Там он договорился с властями и труп уже встретила вереница полицейских машин. Его провезли по главным улицам как при параде или визите президента. Деда Мороза транспортировали в столицу севера – Дашитию. Там быстро создали ледяной склеп и мумифицировали труп.

Детри получил весомый гонорар за свой подвиг.

К трупу шли на поклон в порядке очереди, клали подснежники, рябину и другие замороженные ягоды и цветы на нижнюю ступеньку пьедестала. В помещении поставили кондиционеры, так что к лету перепад температур не сказался на состоянии мумии. К деду Морозу привозили религиозную

реликвию – платок Вероники, чтобы устроить "дистанционную встречу деда Мороза и Иисуса Христа, молящихся за судьбы человеческие". Интернет пестрил снимками платка с ликом Иисуса напротив синюшного лица деда Мороза.

Неожиданная находка изменила мир и открыла глаза миллионам людей. Многие плакали и ушли из своих религий.

Северный склеп стал ассоциироваться со смертью надежды.

От детей было сложно скрывать потерю, потому что в канун каждого нового года по телевидению транслировали синее лицо отца надежды, спасителя человечества, безвозмездно предлагающего подарки каждому нуждающемуся, но не теперь.

Религиозные фанатики патрулировали святую могилу и вели круглосуточные трансляции о наступлении новой эры для человечества.

– Поддержки нет, – плакали в микрофон, – Спасители мертвы, больше не на кого надеяться. Найдем же новые силы внутри самих себя...

Детри вырубил звук телека и кинул пульт в стену. Он не присоединился к фанатикам и движению "фениксов", как они себя называли. Он до сих пор чувствовал еле-уловимый запах смерти, который отравлял его существование.

Раз в полгода Детри брал отпуск на неделю и ездил в Дашитию, выбирал непопулярное время – в утренние часы, когда меньше туристов, садился у гроба, брал деда Мороза за

руку и выл от отчаяния. Утрата давалась ему гораздо тяжелее, чем всем остальным.

Уже спустя пять лет новость перестала быть сенсацией и поток туристов иссяк.

Половина кондиционеров сломалась, и никто не выделил деньги на ремонт. Мумия мало-помалу пришла в нелицеприятное состояние, превратилась в скелет. Она быстро разлагалась, пока ее обрабатывали химические пары, пока системы хранения ломались одна за другой. Детри кипел от злости, работники склепа проявляли возмутительное неуважение к останкам деда Мороза.

Через три месяца скреп закрыли на реставрацию, а затем окончательно, потому что остатки костей уже не могли служить достоверным доказательством существования волшебного старика.

Его одежду развезли по музеям мира.

Детри не нашел другого выхода и открыл компанию "Северная станция подарков". Его душила злоба, он действовал от чистого сердца.

Он решил воскресить культ снежного деда: производил тонны открыток, коробок, оберток, новогодних пакетов с конфетами. Открыл филиалы с шоколадом, анимационную студию, благотворительные акции и рассылал дедов морозов в каждый детсад и школу, праздновал елки в масштабе страны.

И добрался до политиков.

Он жаждал, чтобы каждый ребенок, как он сам, с младенчества верил в чудо, в то, что придет какой-то левый старик, и исполнит все их желания.

Потом власти заметили опасное влияние корпорации Детри и сделали ее деятельность запрещенной. Детри создал организованные группировки, совершающие набеги добра, чтобы вселить в людей ту самую страшную веру. Людям причиняли добро, а потом исчезали. И люди приползали к елкам, шептали молитвы "приди, спаси, помоги". Они радовали сердце Детри своей беспомощной верой, своей неспособностью взять свою собственную жизнь в свои руки.

Потом к Детри пришел Токет и выстрелил в своего школьного друга, он сказал:

– Из-за тебя моя дочь угодила в твою северную секту. Она отказывается принимать важные решения самостоятельно и уповаet на чудо. Чтоб ты умер, и все ваши деды морозы.

Детри ходил, конечно же, в бронежилете, поэтому выжил. Слова друга заставили его сомневаться.

Он пошел на ближайшую елку в тот вечер, смотрел в глаза детей, такие молодые и беспечные, а затем в глаза взрослых: те еле наскребали деньги на хлеб с маслом. На родителей, которым не по карману был этот праздник, поэтому корпорация Детри проводила его бесплатно для неблагополучных слоев общества.

Он заглянул в серое лицо матери-одиночки и увидел в ней

девочку, которой 45 лет, и она до сих пор ждет деда Мороза.

Детри сказал:

– Милая, дед мороз умер 12 лет назад, бери свою дочь и вытаскивай ее и себя с этого дна самостоятельно, прекрати ждать, – он выключил новогоднюю мелодию и дискошар, сказал громче:

– С 10-ого января начинаются курсы "Что делать, если дед мороз не помог, а чуда так и не произошло". Они будут стоить как ваш месячный оклад, но вы все равно приходите. Я верю, что вы достанете эти деньги без участия волшебства. С Новым годом!

Осколком елочной игрушки

Он вышел из дымохода, подошел к наряженной елке. Сорвал стеклянный шар в блестках с еловой ветки и разбил об угол табуретки, что стояла рядом.

Затем он поднялся на второй этаж коттеджа и зарезал спящую женщину.

Так проходило 31 декабря у дяди Вали, когда он подрабатывал дедом Морозом, но не срослось. А всё потому что жена не поддержала его тогда в девяносто пятом во время кризиса. Если б не её пилёж, всё бы точно получилось.

Вечный Новый год II

Девушка Сеня с детства любила Новый год – особенный день, когда случаются чудеса.

В 2017 году ей исполнилось 18, поэтому родители обещали приобщить её к употреблению вина тридцать первого.

Сеня отказалась.

На порог квартиры выступил папа в пуховике и с накладной поролоновой бородой:

– Кто у нас самая многообещающая девушка планеты?

Сеня подняла руку, не вставая из-за практически накрытого стола:

– Я, – она смущенно улыбнулась.

– Кто сдал все экзамены на четверки и пятерки на первом курсе университета?

Сеня отвернулась в окно в смущении. Отец растирал ее плечи и щёки шерстяными варежками, взятыми у жены.

– Это моя дочь Сеня, она вела себя хорошо и получит подарки!

Сеня побежала к ёлке, полезла под ветви и достала красную коробку, развернула. Отец склонился к её уху:

– Большие подарки для большого потенциала! – громко проорал он. Сеня разворачивала коробку трясущимися руками.

– Ноутбук! Второй ноутбук! – отец имитировал Якубови-

ча и положил руку на плечо дочери, разворачиваясь к жене – та чистила вареную картошку.

– Потому что наша дочь – очень деловая дочь!

Сения обняла отца, с час они разбирались с настройкой, с синхронизацией экранов на двух ноутбуках.

Потом пришли друзья родителей, Деки – их сын возраста Сении. Началось застолье.

В окнах гремели фейерверки.

После полуночи компания вышла во двор и пошла по кварталу – к горкам. Между домами то и дело взрывались бомбочки. По краю улицы, где гололед, катился мальчик десятилетнего возраста на коньках.

Глаза Сении слипались, она снова ела мандарины дома у окна. Родители расправляли диван для гостей. Мама встряхивала наволочку. Деки собирал фантики и конфетти с пола по просьбе маленького брата. Сам братишка уже спал в комнате Сении.

Через час все уже спали.

Первого января доедали салаты, принимали гостей, не успевших дойти до родителей в праздник. Сения встретила на площади трех подруг из университета.

Где-то в районе третьего-пятого дня после нового года Сения почувствовала, что прошло слишком много времени.

Родители уехали в магазин за покупками.

Они вернулись с четырьмя пакетами, и отец ходил еще раз

до машины.

– Новый год, новый год, скоро к нам придет! – напевал отец.

– Через год, – посмеялась Сеня.

– И через год тоже, – согласился отец и водрузил перед ней мешок с хурмой.

Мама снова готовила на кухне.

Позвала Сению помочь. Та ставила картошку с майонезом в духовку, когда поняла, что родители снова ждут гостей, чтобы отмечать новый год.

– Праздник прошел три дня назад, мам. Мы сегодня отмечаем старый? По китайскому календарю? По ацтекскому?

– Ацтекскому? – спросил отец из коридора.

– По российскому, дочь. У нас сегодня новый год – единственный и неповторимый.

Сения побежала к телефону и открыла календарь – 31 декабря 2018 года. Забила в поисковик. Тот выдавал тоже самое. Родители подтвердили.

Дальше ей дали бокал вина – покусочничать "пока твой дядя не видит" – шепнут отец. Сеня отхлебнула и через пять минут немного расслабилась. Включила телевизор, смотрела как в каком-то фильме жгут бенгальские огни.

Очухалась в 23.57, когда большая компания ее родителей вновь сталкивалась бокалами с шампанским. Она посмотрела на список желаний в своих руках:

" – Создать ячейку общества с Деки.

- Вылечить аллергию.
- Восстановить позвоночник.
- Поставить речь.
- Избавиться от мигреней.
- Накачать бедра и подтянуть живот.
- Родить четверых детей.
- Взять двух приемных – афроамериканца и трудного подростка-зэка, воспитать их достойными членами общества.
- Поучаствовать в создании компьютерной игры.
- Сделать прорыв в анимации.
- Попасть на красную ковровую дорожку в Голливуде.
- Получить Оскар за спецэффекты.
- Совершить путешествие в Индию, Китай, Грецию, Бельгию, в Гренландию и к Мертвому морю.
- Прожить несколько лет в штате Мэн в США.
- Возглавлять вместе с Деки клан Тельдов (то была фамилия семьи Деки), продвигать семейные ценности.
- Вырастить гениальных детей.
- Создать свой бренд одежды.
- Увидеть Марсианскую впадину."

Дальше значилось еще штук 30 не таких масштабных пунктов – цели на ближайшие пять лет.

Кто-то из гостей присвистнул над ее плечом. "Дорогая, не слишком ли большой список на жизнь?" – спросила рядом мать, но дальнейшая ее речь потонула в восторженных криках. Сеня подожгла бумагу и сбрасывала пепел в свое шам-

панское, затем выпила – все в течение 12 ударов курантов. Заела свое будущее шоколадным трюфелем.

Первого января родители и гости спали, кто-то собирался гулять, кто-то в магазин. В итоге в большинстве люди сидели напротив телевизора, или вокруг стола на кухне. Одна Сения без конца щелкала мышкой напротив двух ноутбуков – дописывала курсовую. Деки рядом с ней проводил время за раскруткой канала на ютубе.

– Ой, да расслабьтесь, дети! – воскликнул отец Сении и поставил перед ними блюдца с остатками мороженого.

Следующее, что Сения помнила, это то, как она готовилась к трем экзаменам в марте 2019-ого, потом как учила историю Китая в 2020-ом.

Потом – снова Новый год – 31 декабря 2020-ого.

Пролетел, как вспыхнул.

Сения выглянула в окно.

– Деки! Смотри! Падающая звезда!

Деки побежал к ней.

– А, всё уже.

– Не успел, – улыбнулся юноша. Они поцеловались.

В 2025 году Сения обнаружила себя за ноутбуком в спальне родителей. Она снова писала курсовую, пыталась забыть о разрыве с Деки – любовью её жизни.

В зале родители принимали гостей – через 3 часа они будут праздновать наступление 2026-ого года.

Сения вышла ко всем, села на край дивана и открыла инстаграм: зачем-то полезла смотреть одноклассников.

Зоя Энова, её одноклассница, выкладывала фотки из путешествия по Тибету. Девушка стояла на голове, на руках, на мостике – на краю пропасти с разными горными пейзажами за ней.

Сения протерла уставшие глаза.

Ее уже где-то час лихорадило.

Она выпила нурофен, и снова села смотреть фотки.

Два парня с её специальности в университете открыли свой бизнес и постоянно захламляли новостную ленту предложениями дорогих часов. Один из них выкладывал селфи с девушкой на грани порноснимков. Их молодые тела были покрыты красивыми татуировками в стиле "new school". Второй постоянно фоткался или в автомобильном салоне, или снаружи, с видом на свой кадиллак.

Другой экстремал часто выкладывал гиффки со своими прыжками с парашюта, спусками с альпийских гор, или по лесной чаще на мотоциклах. Его видео отличались драйвом и жизнью.

– Милая, пойдем на балкон с нами? – спросил отец.

Гости открыли балкон нараспашку и орали на весь двор, переговаривались с гуляющими на улице: весь город праздновал.

Сения укрылась одеялом и рассматривала фотку одноклассницы. Та сидела в кресле, укрытая стильным пледом,

смотрела в окно размером от пола до потолка, на всю ширину стены. Под фотографией стояла подпись "Отдыхаю в Гренландии".

Сения расплакалась; ее рот раскрылся в оскале горечи. На этом празднике Деки больше не присутствовал, потому что он отмечал этот новый год с новой девушкой.

К Сении подбежал отец и стал успокаивать, вместе с матерью. Ее унесли спать.

Сения проснулась 31 декабря 2030-ого года, за застольем. Она не помнила, как провела последний месяц. Она с трудом вспоминала, как отмечала в 29-ом. Родители на этот раз никого не позвали. Мать раздала всем бумажки и села:

– Давайте все напишем, какие хорошие события произошли с нами в этом году!

Родители принялись строчить. Рука Сении зависла над листком. Она ничего не могла вспомнить.

– Сения? Доченька?

– Можно я – пасс?

– Мы кое-кого пригласили сегодня.

– Вы же сказали, мы будем втроем?

– Планы меняются! – мать всплеснула руками. Прозвонил домофон, и она побежала открывать.

– Мы позвали твою двоюродную сестру Ташу!

Весь вечер Таша рассказывала, как воспитывает трех детей, про свой удачный брак, про любящего мужа, который

повез детей в Диснейленд, позволил ей заниматься карьерой в каникулы, про семейную поездку в Китай. И к Марианской впадине.

– Сеня, хочешь что-нибудь добавить?

Сеня брызнула в рот ингалятором, вдохнула и помотала головой, с задержанным дыханием.

Для Таши включили проектор и на всю стену проецировались фото её девушек-моделей, на которых она шила одежду. Некоторые экземпляры купальников демонстрировались на самой Таше. Родители охали и ахали, восхваляя племянницу.

После полуночи Таша устроила сеанс йоги для беременных, поскольку сама была в положении, и мать Сении тоже. Они вместе вставали на руки, держали равновесие на пальцах рук и ног, садились на шпагат.

Сеня попробовала сесть вместе с ними и поняла, что давно не занималась – как-то не находила времени для спорта.

С улицы слышались взрывы от фейерверков.

Сеня взяла листок со своим вечным списком, ни один из пунктов которого еще не был выполнен. Ей показалось, что за сегодня она переписала его уже 3 раза. Она сфокусировалась на каждом желании. На первом, на втором. Закрыла глаза. Открыла глаза.

Шел 2037 год.

Сению пригласили на встречу университетских – 25 декабря. Собрались почти все, бывшие студентки, ставшие пре-

красными женщинами пришли в длинных платьях, с идеальным макияжем и укладкой, мужчины в костюмах, с начищенной обувью и смартфонами – те слабо помещались в и без того немаленьких мужских руках.

Много улыбок, света, пафоса.

Люди делились достижениями и смеялись общим проблемам. Как мужья не знают, куда жена сунула четвертую кредитку; как найти достаточно качественный отель в Амстердаме; как общаться с девушками-консультантами в бутиках.

Некоторые предприниматели, привыкшие носить наличку, жаловались, что кошелек рвется от денег. Другие – что от банковских карт. Женщины – что пора расширять гардеробную комнату. Обсуждали, куда инвестировать деньги. Как договариваться с дизайнером и архитектором при строительстве загородного коттеджа.

Сения молчала по большей части и старалась улыбаться.

Где-то посередине банкета она сбегала до туалета – ее вырвало от духоты, хотя все окна были распахнуты.

В 2042-ом году ей было полегче.

Отец подсел к ней в 2044-ом.

– Что случилось милая? Что я сделал не так?

– В каком смысле? – Сения привыкла, что ее лицо то ли слишком серое, то ли слишком зеленое, и уже как лет десять она наблюдает закрепляющиеся мимические морщины около губ, свидетельствующие, что она чаще обижена, чем счастлива.

– У тебя был большой список.

– Да, большой.

– И большой потенциал.

Сения всхлипнула.

– Время утекает сквозь пальцы, пап, – она взялась за его руки.

– Да, оно скоротечно.

– Я не знаю, у кого попросить помощи. Время течет чертовски быстро!

– Это так, дочь, подождешь, пока я схожу проведать, не сгорел ли пирог твоей матери в духовке?

– Хорошо.

Продолжение их разговора состоялось только через пять лет – в **новый год**.

– Я не справилась, – плакала Сения, – Я знаю, в этом году я почти накопила денег на поездку в Индию. Я уже не мечтаю об остальном. Но в Индии я должна побывать обязательно!

– Ты молодец, – похвалили родители.

У Сении стало теплее на душе. На Индию у нее все-таки не хватило терпения копить и Сения съездила на Урал, весной того же года.

В том же году она встретила мужчину, который безвозмездно ухаживал за садом рядом со своей многоэтажкой. Там росло 20 видов цветов, и Сения влюбилась. Они поже-

нились через три года.

Время замедлилось, когда Сеня писала книгу о том, как рисовать графику. Она завела дневник и отмечала каждую мелочь. Перечитывая его раз в несколько месяцев Сеня обретала уверенность, что действительно проживала каждый из этих дней. Хотя у нее по-прежнему оставалось ощущение, что она присутствует в своей жизни вспышками – в самые эмоциональные и особенные моменты. Остальное вспоминалось только благодаря дневнику.

В какой-то момент, лет в шестьдесят, Сеня прыгнула с парашюта. И она сказала своей приемной дочери:

– Девочка моя. Помоги мне дойти до издательства, мне еще многое надо успеть.

Сеня прожила 256 лет и установила рекорд долгожителя. Она часто жаловалась, что быстро забывает девяносто процентов своей жизни, но она очень боялась, что не успеет сделать всё, что запланировала. В свои последние годы она бодро шла по составленному списку и близилась к его завершению. Ей оставалось три последних пункта. К тому моменту она дышала полной грудью и чувствовала, что растворилась в мире. "Я растворяюсь", – говорила пожилая Сеня, наблюдая, как ее книги берут с прилавка и идут к кассе.

– Что она имеет ввиду? – спросил читатель у внучки Сении.

– Она успела повлиять на людей, а те – на других людей, –

ответила внучка заученное.

Читатель ничего не понял и обратился к писательнице:

– Отличная книга, – сказал он громко, – Мы с сыном начали общаться спустя пять лет! Спасибо.

Сения кивнула с улыбкой и попросила внучку помочь ей сесть в кресло.

Краткость новогодних каникул

– Передай, пожалуйста, бутерброд с колбасой, – попросил Этт второго января своего друга Денития, не отрываясь от просмотра телевизора.

– Держи, – Денитий протянул Этту кусок хлеба четвертого января.

Тот одной стороной промок в майонезе, поскольку лежал в блюде с зимним салатом.

– Спасибо, – ответил Этт пятого января, надкусил бутерброд и оказалось, что тот с налетом плесени.

– Тебе не кажется... – начал говорить Денитий, но увлекся рекламой на экране и продолжил только седьмого января, – не кажется, что время летит слишком быстро?

– Есть такое ощущение, – согласился Этт, надел пуховик утром восьмого января, и поехал на работу. Денитий зачитался книгой комиксом, и, когда остановился между главами, обнаружил, что в коридоре нет ботинок Этта.

Он открыл дверь на лестничную площадку подъезда и крикнул:

– Стой, – это было уже девятого января.

Они встретились десятого, и Денитий договорил:

– Отлично провели время, Этт. Только жалко, почти ничего не успели за новогодние каникулы. Давай в следующем году чего-нибудь придумаем, а то как-то аномально получи-

ЛОСЬ.

Мне праздники не на пользу

– Не надо, пожалуйста, – попросил Тэнк, поднимая палец выше, – поменяйте смены. Мне праздники не на пользу. Помните наш первый разговор?

Начальник ему отвечал:

– Ты работал хорошо, Тэнк Боэл, ты заслужил отдых, так отдохни же как следует, ты уж меня пойми.

Но вы не понимаете... Слушайте, давайте я закрою проект Фицбелов, там не все кадры подобраны. Я все же приду утром второго января.

– Нет, Тэнк, – начальник демонстративно (от слова "демон") повертел ключами от их этажа перед носом, – Я улетаю в Русфильд. Открою офис двенадцатого.

Тэнк осел на стул, схватился за голову. Общепринятые праздники до одиннадцатого, так почему ж не у него?

Ему звонили, писали, стучали в дверь часами. Четырнадцатого января Тэнка уволили, потому что он не пришел на работу.

Бедняга не мог жить спокойно в праздники. Не то, чтобы он болел, но на второй же день отдыха начинал сомневаться в своем выборе профессии. На третий день он считал, что ему нужно сменить работу, на четвертый – дом, на шестой – гражданство. На седьмой Тэнк считал, что надо сменить имя, фамилию, на восьмой – цвет волос, на девятый желал

сделать пластическую операцию.

К слову, на тринадцатый день обычно он понимал, что ему не помешает сменить пол. Задуманное не реализовывал, всего лишь находил новую работу.

На собеседовании он заявлял, что ему не нужны отпуска и праздники, что он хороший работник.

Работодатели беспокоились, что человек, у которого в трудовой книжке все места работы не больше года, не может быть честен.

Поэтому никто из них так и не узнал, насколько хороший бы это был работник.

Кладбище неудачных подарков

"Говорят, 30 процентов жилищного пространства в мире занимают неудачные подарки.

Они сбиты в кучу на антрисолях, в кладовках, на балконах и в гараже.

Все знают, как они выглядят: набор шампуней с парабенами, нижнее белье со смешариками, не того размера, ярко-желтый галстук, 12-ая кружка, соль для ванны, тридцать пятый набор свечей, пять килограммов открыток, памятная статуэтка из шоколада, фигурки из соленого теста, брелки, чесалка для спины, кухонные прихватки и подсвечники, тайнички в форме книг, двухсотый блокнот, книги "Магия прощения" профессора Врачелинского и "300 лучших рецептов из тыквы".

Это дань тому свету, естественно.

Ведь еще в третьем веке пророк Анериель предупреждал, что каждому человеку должно 30 процентов нажитого класть в красный угол, на алтарь и посвящать духам.

Никто не собирался этим заниматься.

Поэтому астральные жители придумали изощренный способ получить своё: как ни крути, а 30 процентов подарков окажутся неудачными и станут мертвым грузом для получателя."

Именно эту информацию Синдий вычитал в библиотеке, в

историческом журнале. Он поверил каждому слову, потому что вчера, 1 января, он справлял новый год с родителями.

Нелюдимый Синдий не пил алкоголь, не верил в Бога, не имел девушки, зато болел сахарным диабетом, и увлекался только компьютерными играми.

Несмотря на это, в подарок Синдий получил носки, книгу "Веселая математика для заправки мозга", дорогую бутылку Джэка Дениелса, а также купон в детский отдел торгового центра (родители мечтали о внуках), детскую коляску ему пригнали в прошлом году, и она занимала половину балкона с тех пор.

Еще он получил магнитик со своим собственным фото, отнюдь не удачным, и пять открыток, икону из чистого золота, бронзовую статую собаки размером с коробку из-под телевизора времен СССР (год желтой собаки, все-таки).

Синдий внимательно изучил запись в дайджесте.

Там же приводился алгоритм действий – что следует сделать, чтобы снять проклятие неудачных подарков.

Вначале он вынес все подаренное за жизнь барахло в центр своей гостевой комнаты.

Он встал к зеркалу в полный рост спиной, взял маленькое зеркальце и стал глядеть в него. Проскандировал:

– Темные силы, посвящая свои даренные вещи миру мертвых. Приходите и забирайте! Я должник, – Синдий ударил кулаком в грудь, как советовала журнальная запись, и прокричал, – Я должник! Я хочу выплатить долг!

Он кричал в течение пятнадцати минут.

В зеркальном коридоре появились темные несформированные пятна, поглощающие свет. Они вышли из зеркала и стали грузить хлам на черные спины. Сделали три ходки.

– Вот еще пакет, – подсobil Синдий и пододвинул макулатуру ближе к пятнам.

Коробку тоже забрали.

Когда пятна ушли, Синдий пожарил себе картошку и съел за фильмом: смотрел фильм с компьютера. На следующий день он обналичил пришедшую зарплату и купил красный бархат, гвозди, пару досок, кухонный сервис, мешок продуктов (хлеб, пшеничная крупа, сыр, сметана, зелень, вино и прочее). Дома он сделал три полки в углу комнаты, обил все красным бархатом, приготовил ужин и расставил тарелки с едой в углу. Все не вошло, поэтому впихнул, сколько мог. На верхнюю полку в медную чашу положил половину зарплаты.

Обычно еда в углу разлагалась и резко пропадала, вместе с деньгами. Но еду забирали не целиком. Чаще брали мучное, жареное или сладкие фрукты.

Иногда мертвые любили отведать что-то сгоревшее или уваренное в клейстер. Синдий таким образом погубил немало кастрюль и сковородок, но надеялся, что цель окупает средства.

Он изучил предпочтения мертвых и старался угадать со вкусами. Порой, случались кулинарные шедевры и мертвые забирали весь "стол". А нередко происходили провалы: еда

портилась и приходилось выкидывать в мусорку. Синдий смотрел поварские каналы на ютубе, чтобы отточить мастерство.

Буквально за 15 лет Синдий откупился от мертвых, потому что каждый месяц откладывал деньги в угол, сколько мог. Жить приходилось бедно, подрабатывать. Родственники думали, что Синдий подсел на героин. Он сам изучил всех близких и знакомых досконально и делал только подарки "в яблочко" – это была программа-максимум, согласно инструкции.

Когда Синдию стукнуло 40, он увидел, что деньги из медного блюда не пропали. И еда лежала в красном углу в целости и сохранности.

Синдий понял, что его простили. Красный угол стал святым местом, и с тех пор пользовался им, как холодильником.

Прожил в квартире еще год, потом переехал в коттедж в центре города и обставил его в стиле минимализм, разбил во дворе сад камней. Только в те годы он почувствовал настоящий вкус жизни, достиг абсолютного счастья. Удача преследовала повсюду. Синдий получил руководящую должность на предприятии и стал идейным консультантом, познакомился с достойной женщиной.

А, самое главное, Синдий стал получать полезные подарки.

Его считали приятным искренним человеком. Синдий ре-

комендовал окружающим завести волшебный красный угол. Станный совет ему прощали, потому что считали Синдия добряком со своими тараканами, но повторять никто не планировал.

Мудрость затерялась в архивах, и теперь уже никто не решится проверить, правдивы ли слухи о существовании человека по имени Синдий и его мистическом опыте.

Божественное свечение снега

Поговаривали, что за далекими ледниками, под небом существует поле Света.

Эта площадка располагалась между каменных горных пиков, была ровной, и ее сплошь застилал снег.

По неизвестным причинам площадь никогда не закрывали облака, но снег оставался хрустящим и блестящим. На поле Света приходили в специальных солнцезащитных очках, в каких обычно можно смотреть на затмение.

В этом поле многие люди замечали высадку и посадку ангелов, их космических порт.

Сила льющегося света не давала разглядеть подробнее, а датчики слежения не регистрировали ничего.

Ерундий пришел на поле Света в числе других паломников пятого января, встал посередине и проорал:

– Заберите меня! Заберите меня немедленно!

Остальные разглядели удар молнии, который пронзил Ерундия. Он исчез.

Появился через неделю с румяным привлекательным загаром. Он помнил только свет.

С тех пор святое место закрыли для посещения до момента прояснения аномалии, но Ерундий основал компанию и проводил паломников к таинственному месту, дающему "божественный загар".

Спустя тридцать лет группа загорающих не вернулась в положенный срок, и посетители "божественного солярия" потеряли интерес. Компания Ерундия обанкротилась.